

УДК 94(47):326(091)(045)

*А.В. Журавель***1982 ГОД: СТУДЕНТ-ДИПЛОМНИК О КОНЦЕПЦИИ И.Я. ФРОЯНОВА.
ОПЫТ АВТОИСТОРИОГРАФИИ**

В статье описываются обстоятельства создания и содержание созданной автором в 1982 г. дипломной работы «Советская историография рабства в Киевской Руси». В ней давался первый в историографии развернутый анализ концепции И. Я. Фроянова.

Ключевые слова: концепция И. Я. Фроянова, советская историография, рабство на Руси, теоретические проблемы феодализма, теория формаций.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-21-30

Более сорока лет назад, весной 1982 г., автор этих строк, тогда студент исторического факультета Брянского пединститута, подготовил большую, более 10 авт. листов, дипломную работу на тему «Советская историография рабства в Киевской Руси», в которой значительное место (1,2 авт. листа) уделялось концепции И. Я. Фроянова. Взгляды этого ученого были проанализированы системно и оценены очень высоко.

Это резко контрастировало с общим отношением к этому ученому, что господствовало тогда в советской исторической науке. Как известно, Игорь Яковлевич защитил в 1973 г. докторскую диссертацию, а в 1974 г. опубликовал ее сокращенный вариант под названием «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» [25]. Однако до 1976 г. ВАК диссертацию не утверждал. В том же 1976 г. академик Л. В. Черепнин выпустил небольшую статью «Еще раз о феодализме в Киевской Руси» [27], в которой главное внимание уделил «опровержению» концепции Фроянова. Кавычки взяты неспроста: Черепнин считал достаточным в точке зрения критикуемого историка противопоставить свою собственную и не утруждал себя заботой о том, чтобы хоть как-то ее обосновать.

После этого – и отчасти вследствие этого – историки древней Руси в целом по отношению к Фроянову приняли фигуру умолчания: о нем не упоминали вообще или – в лучшем случае – упоминали чисто библиографически¹. Опубликоваться в центральных периодических изданиях и тем самым донести свою точку зрения до широкого круга историков ученый не мог.

Ситуация усугубилась после 1980 г., когда Фроянов выпустил вторую монографию [26], в которой продолжил и развил прежнюю линию. Он недвусмысленно показал, что Русь домонгольского времени переживала дофеодальный период, что феодализм на Руси – явление более позднего времени.

Осенью 1982 г. на страницах ведущих исторических журналов согласованно вышли сразу три статьи, носившие погромный характер [15; 18; 23]: в них объяснялось читателям, что Фроянов – ничемный автор, не понимающий древнерусского языка: он не понял, не додумал, не учел и т. д. Дополнительно прилагалась статья М. Б. Свердлова о челяди и холопах, в которой подробно объяснялось, почему Фроянов не прав в своих характеристиках этих социальных групп: они не могли быть рабами просто потому, что... на Руси был феодализм [22]. В 1983 г. вышла книга Свердлова [21], которая была по духу и по содержанию антифрояновской: Фроянов в ней был самым цитируемым автором; практически в каждой главке Свердлов отводил немало места прямой полемике с ним – уже на уровне источников, чего прежде практически не было.

В этом стройном хоре опровергателей моя дипломная работа звучала бы явным диссонансом. Она объемом своим и качеством превосходила все упомянутые статьи, вместе взятые. Не побоюсь это самонадеянно утверждать – просто потому, что моя студенческая работа является аналитической: в ней показано, насколько прочно концепция Фроянова вписана в контекст развития отечественной историографии, а вовсе не стоит в стороне от ее столбовой дороги, как это утверждали его оппоненты. Более того, общее заключение дипломной работы звучало так: из всех исследованных в ней уче-

¹ Когда я после третьего курса нелегально останавливался на ночлег в общежитии МГУ у знакомых студентов, те удивлялись: как я мог всерьез воспринимать работы Фроянова? Разумеется, Фроянова они сами и не читали. Но дело тут не в студентах: если перефразировать известную поговорку, что у профессора в голове, то у его студентов на языке.

ных построений «наиболее глубокой и продуманной является концепция И. Я. Фроянова, которая и должна послужить базой для дальнейшего изучения истории Киевской Руси» [10, с. 167]. Таким образом, мою дипломную работу можно воспринимать как историографическое обоснование концепции Фроянова, которое я сделал не потому, что он меня об этом попросил. Это не зависело от моих желаний и хотений.

К сожалению, исследование мое прочли лишь четыре человека, которых можно назвать поименно: сам Игорь Яковлевич, Людмила Валериановна Данилова, а также преподаватели Брянского пединститута Александр Михайлович Дубровский, формально – мой научный руководитель, и Михаил Васильевич Александров (1947–2021), талантливый человек, читавший в одиночку все курсы по новейшей истории, но в силу ряда причин впоследствии бросивший заниматься историей².

К описанной выше тематике я приступил как теоретик-марксист, пройдя в этом отношении немалый по студенческим меркам путь. Еще школьником я *полностью* по своей инициативе законспектировал книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Став студентом, я штудировал труды К. Маркса, прежде всего «Капитал» и «Формы, предшествующие капиталистическому производству», а также начитывал монографическую литературу по первобытной, древней и средневековой истории, стремясь сопоставить современные научные знания с тем, что говорилось у Маркса и Энгельса. Уже на первом курсе я узнал о проходивших в 1920–1930-е и в 1960-е годы дискуссиях об азиатском способе производства и прочел все, что имелось об этом в брянских библиотеках. На втором курсе я осознал, что в СССР, вопреки господствующей идеологии, социализма как первой фазы коммунизма нет, а есть эксплуататорское государство, лишь использующее социалистическую фразеологию в своих интересах. Я осознавал, что прямая борьба с ним невозможна, а потому необходимо подготовить теоретическое обоснование этого ключевого факта – иными словами, в новых условиях проделать ту же работу, что и Маркс в XIX веке, но не на экономическом, а на историческом материале.

Для этого, по моим представлениям, требовалось выработать новую теорию формаций, позволяющую провести типологию всех существовавших прежде обществ и на этой основе указать место, которое занимает общество советское. Основой для этого должна послужить не общепринятая тогда пятичленная теория формаций, созданная тогдашними историками-марксистами на основе лекции В. И. Ленина о государстве, а схема, имевшаяся в трудах Маркса. Ее существование было показано в работах Н. Б. Тер-Акопяна и М. А. Виткина [24; 1]: формаций должно быть три; помимо гипотетической третичной коммунистической формации в истории существуют первичная, первобытная, и вторичная, экономическая, формация, в которой античные, азиатские, феодальные, капиталистические порядки (способы производства) – лишь отдельные ее эпохи.

Соответственно такому подходу встает вопрос о природе всех раннеклассовых обществ – должны ли они завершать собой первичную формацию или же открывать формацию вторичную. А. И. Неусыхин и А. Я. Гуревич охарактеризовали варварские германские и скандинавские общества как дофеодальные, отметив, что это не переходный период от чего-то к чему-то, а устойчивое состояние, способное без существенных изменений существовать веками. Именно по этому пути пошел в конце концов и Фроянов...

На третьем курсе нужно было писать курсовую работу по русской истории, и я решил совместить свой основной интерес с необходимостью: мне на глаза попала небольшая книжка В. И. Горемыкиной [2], из которой следовало, что если применить к древнерусскому обществу методологию, использовавшуюся исследователями древнего мира, то нетрудно прийти к выводу о господстве рабовладельческого строя в древней Руси.

В итоге я весной 1980 г. подготовил курсовик объемом более двух авторских листов на тему «Проблема рабства на Руси и теория рабовладельческой формации» [12]. При ее подготовке я изучил также труды Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, Л. В. Черепнина, А. П. Пьянкова, Б. А. Рыбакова, И. Я. Фроянова.

Первая часть работы была теоретической. В ней я анализировал понятия рабовладения и феодализма и указывал на целый ряд логических противоречий, которые им свойственны. Предметом

² М. В. Александров дал тогда краткий, но очень лестный отзыв о моей работе – мол, открыл полистать на сон грядущий и читал до утра.

анализа являлась монография «Восток и всемирная история» В. Н. Никифорова [17], являющаяся хорошим обобщением дискуссии с точки зрения сторонников пятичленной концепции.

В древних обществах, по Никифорову, «рабовладельческий уклад был ведущим не в смысле его численного преобладания, а в смысле активной роли в преобразовании общества» [17, с. 53–54]. Однако точно такая же картина возникает и в так называемых раннефеодальных обществах: интенсивно развивается рабовладельческий уклад, а крупное феодальное землевладение еще не просматривается. Значит, такие средневековые общества – тоже рабовладельческие?

Ученые, отвергающие существование рабовладельческих обществ в средневековую эпоху, настаивают на том, что численное преобладание ведущего уклада должно быть обязательным, что этот уклад должен быть «основой производства». Именно так полагал Б. Д. Греков, сыгравший ключевую роль в утверждении представления о господстве феодальных отношений в древней Руси. «Такое понимание ведущего уклада не позволило И. Я. Фроянову, наиболее близко подошедшего к принципам теории рабовладения, сделать напрашивающийся с ее точки зрения вывод о господстве рабовладельческих отношений на Руси».

Таким образом, «имеется внутреннее противоречие в господствующей ныне в исторической науке теории формации, которое явилось следствием эклектичного соединения в одну схему двух противоречащих друг другу концепций» [12, с. 45]. Именно так 20-летний студент в 1980 г. формулировал проблему: «марксистско-ленинская теория формаций», преподававшаяся в курсе исторического материализма как истина, не подлежащая сомнениям, эклектична – ни больше, ни меньше!

Далее следуют ссылки на А. И. Неусыхина и цитируется А. Я. Гуревич [16; 5]. Делалась ссылка на «дофеодальный период» и на возможность отождествлять «рабовладельческий строй» с ним, а также с «азиатским способом производства» (таким видела древнерусское общество Л. В. Данилова) [6]. И все это – в 1980 г., когда я еще не читал вторую книгу Фроянова и не общался с Даниловой!

Сделал я тогда еще одно – не вычитанное нигде! – наблюдение, которое, однако, оказалось не вполне оригинальным, поскольку еще в 1960-е гг. его сделала Данилова. Но опубликовано оно было лишь в 1985 г.:

«Историки обоих направлений не видят, как это ни парадоксально звучит, действительной разницы между рабовладением и феодализмом. Они видят разницу в доле прибавочного продукта, взимаемого при эксплуатации раба и феодально зависимого крестьянина, в доле свободы (несвободы), которыми они обладают, и т. п. Все эти критерии настолько нечетки, что дают широчайшую возможность для толкования любого исторического явления в любом направлении. <...>

Разница заключается прежде всего не в том, *как* эксплуатировали, а в том, *кого* эксплуатировали. При феодализме объектом эксплуатации являются прежде всего соплеменники, члены общины. При рабовладении эксплуатируются сначала только чужеземцы, затем соплеменники, потерявшие связь с общиной (при этом неважно, становятся ли они рабами или нет)» [12, с. 46].³

Спустя 42 года я вполне согласен с тем юным студентом...

Дипломная работа явилась естественным продолжением и развитием темы, которую я начал исследовать в первые годы студенчества. С весны 1980 г. я полностью переключился на ее подготовку.

Дипломная работа состоит из введения, заключения и трех глав, в которых тема рабства и феодализма на Руси и их соотношение разбираются в хронологическом порядке: глава I – с начала XX в. по 1931 г.; глава II – 1932–1950-е гг.; глава III – 1960–1970-е гг. В каждой из глав имеются параграфы, часть из которых содержит общие формулировки («Постановка проблемы рабства на Руси и дискуссии 1930-х гг.», «Проблема верховной феодальной собственности на землю», «Почему Русь в своем развитии миновала стадию рабовладельческой формации?»), часть посвящена концепциям отдельных авторов (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, И. И. Смирнов, А. А. Зимин, С. А. Покровский, А. П. Пьянков, В. И. Горемыкина, И. Я. Фроянов). Впрочем, и в «обобщенных» параграфах разбираются концепции историков, в общем или в частности (В. О. Ключевский, Н. П. Павлов-Сильванский, Б. И. Сыромятников, М. Н. Покровский, С. В. Юшков, Н. Л. Рубинштейн, М. М. Цвибак, И. И. Смирнов, А. И. Яко-

³ Ср.: «При таком же понимании социального статуса рабов, которое учитывало лишь хозяйственный и правовой признаки и упускало из виду самое главное: исключенность раба их системы общественных связей, его нахождение за рамками гражданской общины, полное отчуждение личности раба, сводящее его к предметно-вещественным факторам труда (независимо от того, есть или нет у раба собственное хозяйство), позитивного решения вопроса о роли рабского труда трудно было достичь» [7, с. 123]).

влев, Б. А. Романов, П. П. Смирнов, В. И. Довженок, М. Ю. Брайчевский, Л. В. Черепнин, О. М. Рапов, М. Б. Свердлов, Л. В. Черепнин, Е. И. Колычева и др.)

Во введении ставится проблема рабства на Руси и объясняется, каким путем автор намеревается избежать недостатков прежних историографических обзоров: за исключением одной-единственной статьи Л. В. Даниловой [8] историография сводилась к более или менее развернутой библиографии – внешнему описанию литературы без каких-либо попыток анализировать ее по существу.

В работе рассматривается, каких именно теоретических воззрений на рабство и феодализма придерживался тот или иной историк и как именно он применял их на практике. Для этого проводился логический анализ основных категорий зависимого населения и проверялась аргументация: как именно ученые обосновывали свои утверждения. Голословные высказывания и логические противоречия фиксировались безжалостно – невзирая на лица.

Основные характеристики, данные в первых двух главах исследования, таковы.

«Большинство трактовок, которые дают советские историки юридическому положению социальных групп, существовавших в Киевской Руси, непосредственно восходит к построениям дореволюционных историков» [10, с. 13].

Понятие феодализма, принятое в советское время, также восходит к формулировкам, которыми оперировал Н. П. Павлов-Сильванский, в начале XX в. поставивший вопрос о существовании на Руси феодального строя. Однако «буржуазный историк», помимо сеньориального режима, основанного на крупном землевладении, из которого вытекала зависимость крестьян от феодала, выделял еще и феодализм политический, т. е. существующую в среде феодалов систему вассалитета, что и служило для марксистов поводом для его критики. По Павлову-Сильванскому, боярщина-сеньория складывается уже в монгольский период, а политический феодализм гибнет вместе со складыванием государства, так что феодализм существовал на Руси с XIII по XVI век. Политический аспект феодализма марксистам (М. Н. Покровскому. С. В. Юшкову [29]) представлялся второстепенным, но признаки сеньориального режима они обнаружили уже в древней Руси. Характеристики сеньориального режима стали структурообразующими для понятия феодальной формации.

В 1930-е гг. эта тенденция развилась, породив две трактовки развития феодализма в России: если Б. Д. Греков в серии книг, развившихся из доклада «Рабство и феодализм в древней Руси» (1932) [4], неуклонно удрежнял время становления феодализма, так что к концу жизни (1953) он относил это явление к VI–VIII вв. [3], то С. В. Юшков и многие историки старшего поколения (С. В. Бахрушин, Б. А. Романов и др.) генезис феодальных отношений датировали второй половиной XI в. Разница между ними во многом определялась вопросом о месте рабства на Руси. Именно тогда он превратился в ключевую проблему: коль скоро классики марксизма говорили о рабовладельческом строе как первой антагонистической формации, то почему Русь миновала эту первую стадию классового общества?

Греков и Юшков по-разному решали эту проблему. Греков все категории зависимого населения толковал как феодально зависимые, а холопство (т. е. институт рабства) считал исчезающим укладом. Юшков «снял» проблему рабства с помощью тезиса о сажании рабов на землю: коль скоро они начинали заниматься земледельческим трудом и обзаводились собственным хозяйством, то их тоже можно понимать как феодально зависимых. Свидетельств тому Юшков не приводил (их попросту существует!), но если рабы тоже входили в систему феодализма, то нет необходимости преуменьшать их число и говорить об отмирании института холопства. При этом и тот, и другой ученый при характеристике рабов и феодально зависимого населения исходили из граффаретных формул: раб – это обязательно раб античный, бесправное говорящее орудие, так что малейшие признаки правоспособности и самостоятельной хозяйственной активности у зависимого населения толковались как движение к феодализму.

В 1949 г. Юшков ввел в широкий научный оборот мысль, впервые высказанную Н. Л. Рубинштейном [19], о существовании верховной собственности на землю, связав ее с вокняжением князя Владимира Святославича. Он, правда, не считал эту собственность еще феодальной: она лишь ускоряла «процесс превращения дани в феодальную ренту» [28, с. 229–230]. Однако эту мысль подхватили В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский, истолковав верховную земельную собственность как феодальную [9, с. 63–64]. С 1950-х гг. эта версия стала общераспространенной, поскольку позволяла «упразднить» самое слабое звено феодальной концепции: ведь если крупное землевладение на Руси развивается только со второй половины XI в. и основывается на рабском и полурабском труде, то говорить о господстве рабовладельческого строя на Руси правомерно.

Но это отозвалось лишь к началу 1970-х гг. До этого наблюдается любопытное явление: с 1940-х гг. происходит девальвация теории как таковой. Историки воспринимают представление о господстве феодализма на Руси как аксиому, не нуждающуюся в доказательствах, а потому все категории зависимого населения для них автоматически оказываются именно феодально зависимыми: это, на их взгляд, и не нуждается ни в каких подтверждениях. Понятие феодализма превратилось просто в ярлык, за которым может скрываться любое содержание.

Это проявляется в том, что историки почти перестают использовать домысел о сажании рабов на землю или упоминают об этом мельком, случайно, без какого-либо обоснования, но при этом рисуют картину бурного развития холопства как социального явления. Но если Л. В. Черепнин в качестве альтернативы использовал взамен отсутствующего в источниках крупного феодального землевладения понятие верховной феодальной собственности, то Б. А. Романов, И. И. Смирнов, А. А. Зимин [14], С. А. Покровский, показавшие широкое распространение рабства на Руси, не считали нужным этого делать.

Тем самым возникла почва для новой постановки проблемы рабства на Руси: тем самым появление «рабовладельцев» А. П. Пьянкова и В. И. Горемыкиной, а также «дофеодала» И. Я. Фроянова было явлением вполне закономерным и даже неизбежным. Косвенно на это повлияла происходившая в советской исторической науке 1960-х гг. дискуссия о докапиталистических обществах, от участия в которой историки древней Руси (кроме Л. В. Даниловой) уклонились, но которая дала почву для переосмысления и древнерусского материала.

В дипломной работе при описании и анализе авторских концепций неизменно обращается внимание на то, как именно обоснованно то или иное утверждение, как по представлениям разных ученых соотносятся между собой категории свободного и зависимого населения на Руси. Как оказалось, историки обращали внимание прежде всего на особенности их экономического и правового статуса, но не слишком задавались вопросами об их происхождении. В частности, в подавляющем большинстве случаев под смердами понималась основная масса крестьянства, а свидетельства об их социальном неполноправии воспринимались как доказательства глубоко зашедшей феодализации. Практически никто из ученых, за одним исключением, не дал внятного объяснения, чем челядь отличалась от холопов.

Этим единственным исключением оказался именно И. Я. Фроянов. «Главным достоинством концепции И. Я. Фроянова является ее последовательность, внутренняя цельность. И. Я. Фроянов – не эклектик, и это ясно проявилось и в практике конкретно-исторического исследования, и в области теории. Вследствие этого историку удалось создать – *впервые в советской историографии Киевской Руси* – четкую, внутренне непротиворечивую характеристику категорий зависимого населения» [10, с. 152].

В данной Фрояновым характеристике категорий древнерусского населения были два новшества, которые принципиально меняли общую картину. Во-первых, он первым заметил, что свободное население Руси именовалось «людьми», что это именно социальный термин, а не нейтральное именование вида *Homo sapiens*, как это принято ныне. Тем самым становился понятным статус смердов, социально неполноправных и зависимых именно от князя, но при этом обладавших признаками, позволявшими их считать обычными крестьянами: они были, по выражению еще Б. А. Романова, «колонизальным элементом», подчиненных силой оружия, но сами для себя остававшимися такими же «людьми». Их данническая зависимость, независимо от того, оставались ли они проживать на прежнем месте или были переселены на другое (став, по Фроянову, «внутренними смердами»), не может считаться феодальной по характеру до той поры, пока разница между смердами и соседями-людьми не сотрется совершенно. На это могли и должны были уйти века.

Во-вторых, он дал четкий критерий, по которому следует отличать челядь от холопов. Эти две категории рабов имели разное происхождение: челядь – рабы из военнопленных, холопы – рабы из местного населения. Разность происхождения обуславливала и некоторые различия в их правовом статусе: холоп из местных мог сохранять некоторые социальные связи, а потому и иметь некоторые преимущества по отношению к челяди.

При этом характеристики холопства и челяди, на взгляд автора дипломной работы, нуждаются в корректировке. Разбирая аргументацию Фроянова по поводу большей правоспособности холопов по сравнению с челядью, студент счел ее не совсем удачной: с одной стороны, ст. 66, 85, 116, 117 Пространной Правды, а также ст. 7 договора Смоленска с Ригой и Готским берегом, на которые ссылается ученый, не дают возможности говорить об увеличении правоспособности холопов; с другой

стороны, Фроянов не использует все возможности для обоснования своего тезиса. В этом плане его предшественники, начиная с Б. А. Романова до С. А. Покровского, давали более емкую характеристику положения древнерусских рабов [10, с. 135–136].

Студент обратил также внимание на то, что некоторые тексты церковного происхождения типа «челядь свою тако же милуй, дажь им потребная, показай же я на добро не яростию, но яко дети своя» противоречат фрояновской трактовке челяди: «Странно и маловероятно, чтобы пастырь рекомендовал "миловать" только рабов-пленников: в XIII в. было достаточно много и холопов. Это наталкивает на мысль, что под "челядью" здесь понимается "дворня" (это не равно грековской "совокупности работающего на вотчинника населения", т. к. сюда не относятся занятые в сельском хозяйстве). Объяснение может быть таким: дворы знатных людей, которые обслуживались трудом дворни, появились в IX–X вв., т. е. до возникновения крупного землевладения. В то время внутренних источников не существовало, и дворня формировалась из челяди, т. е. пленников-рабов. Таким образом, в этот период говорить о дворне значило говорить о челяди, и второе значение постепенно закрепилось и не исчезло, даже когда в состав дворни вошли другие слои зависимого населения. Приняв такое дополнение, отказываться от трактовки Фроянова не следует» [10, с. 135].⁴

Закупы, изгои, прощенники, пущенники также толковались Фрояновым в рамках рабовладельческого уклада – как разные категории полурабов, разными путями попадавшими в рабское состояние и, даже став вольноотпущенниками, не вернули себе прежнего полноправного статуса.

Таким образом, в концепции Фроянова фактически не обнаруживается феодально зависимых категорий населения. Историк, очевидно, больше из дипломатических соображений соглашается признать, что часть внутренних смердов со временем могла перейти в частные руки, превращаясь тем самым в крепостных. Более того, в заключении книги достаточно неожиданно появляется следующее утверждение: в середине XI в. «появился контингент феодально зависимых и полусвободных, эволюционировавших в сторону феодальной неволи... вотчина превращается в сложный социальный организм: она и рабовладельческая, и феодальная одновременно. Но все же рабов и полусвободных в ней не было больше, чем феодально зависимых» [25, с. 157–158].

Это высказывание студент подверг критике: «Переход же государственных рабов в частные руки Фроянов считает превращением их в феодально зависимых людей. Однако здесь он непоследователен, и в этом нетрудно убедиться, если продолжить начатые аналогии с древним миром. В этом отношении очень удобен пример со спартанскими илотами. Как известно, илотия возникла в результате завоевания, и первоначально спартанские илоты, в экономическом отношении весьма напоминающие феодально зависимых в традиционном понимании этого термина, вместе с землей, на которой сидели, были государственной собственностью. К началу IV в. до н. э., когда община спартиатов начала стремительно разлагаться, земля вместе с сидящими на ней илотами перешла в частные руки. Если следовать логике Фроянова, то придется и спартанских илотов IV в. до н. э. признать феодально зависимыми. Кстати сказать, такой вывод даже более оправдан, нежели в случае со смердами: за 300 лет илоты были полностью интегрированы в систему спартанского общества, что вряд ли можно сказать о древнерусских смердах. Справедливости ради следует сказать, что намеченное противоречие есть главным образом противоречие современной теории, а не концепции Фроянова» [10, с. 139].

Таким образом, студент высказывался о суждениях Фроянова вполне свободно и не пытался под него подстроиться. Более того, в дипломной работе были сделаны довольно рискованные для 1982 г. прямые сопоставления концепции Фроянова с концепцией Павлова-Сильванского, немарксистским «буржуазным историком» начала XX в. [10, с. 144–146], и, надо сказать, в ходе личной беседы Игорь Яковлевич не стал от этого отказываться...

Отказ Фроянова от альтернативы «феодализм – рабовладение», в котором Черепнин видел непоследовательность, на деле является показателем научной честности автора: движение по пути, намеченному Неусыхиным и Гуревичем, являлось естественным следствием того, что Фроянов строго придерживался традиционных, принятых еще Грековым, теоретических принципов, но в отличие от последнего не пытался подогнать источники под заранее определенный вывод. Тем самым Фроянов объективно вышел за рамки пятичленной концепции, своей работой указав на существующую в ней «прореху» [10, с. 152].

⁴ К сожалению, сам И. Я. Фроянов от комментариев по этому поводу воздержался, хотя вопрос об этом при второй встрече с ним был задан.

Разумеется, такой вывод делал мою работу совершенно недиссертательной в советских условиях. Это прекрасно понимал сам Фроянов, который дав нужный отзыв о желательности продолжения моего обучения в аспирантуре (формально его подписал В. В. Мавродин), предлагал мне написать диссертацию о категориях населения древней Руси в дореволюционной историографии. То же самое прямо сказала мне Л. В. Данилова, которой летом того же 1982 г. я привез свою работу. Она назвала книги Фроянова «единственными нормальными работами по истории древней Руси. Некоторые вещи он не понимает, но в нынешних условиях я не могу его критиковать».

«Некоторые вещи» касались, разумеется, теории: Данилова являлась тогда чуть ли не единственным высококвалифицированным теоретиком в стране, а потому теоретические критерии, которыми руководствовались Греков, Фроянов, Горемыкина, а также сторонники пресловутой «верховой феодальной земельной собственности» были для нее лишь неудачными паллиативами. Необходимо было создавать теорию нового поколения, а этого ей делать не давали и не дали: главная книга ее жизни так и осталась ненаписанной, а неизданная и незащищенная докторская диссертация – неопубликованной.

В заключение – несколько слов о дальнейших событиях. Стать аспирантом И. Я. Фроянова мне не удалось по техническим причинам: пединституты и университеты подчинялись разным министерствам, а свободного поступления в аспирантуру тогда не было. Нужно было специально хлопотать, а как именно это делать – я не знал, ибо был совершенно не практичен. В итоге в 1984 г., после двух лет работы в сельских школах, я получил направление в аспирантуру Ленинградского пединститута к Ю. Г. Алексееву, однако весной 1984 г. меня призвали в армию.

В 1986 г., когда я вернулся в Брянск, мне было там предложено место в новооткрывшейся аспирантуре, однако заниматься следовало советской историей 1920–1930-х гг. К Фроянову можно было устроиться соискателем, но писать все равно на выхолощенную тему по дореволюционной историографии. Мне это показалось скучным, и мы с Игорем Яковлевичем попрощались. Последнее наше с ним общение – точнее, переписка по электронной почте – состоялось в 2012–2013 гг., когда я как редактор готовил для переиздания его «Былинную историю». Книга не вышла по не зависящим от меня причинам.

Материалы дипломной работы использовались мной в двух статьях, написанных в 1990-е гг., но опубликованных уже в 2000-х [13; 11]. В них я упор делал скорее на концепции Юшкова, а не Фроянова, поскольку она была создана раньше и представляла собой своего рода теоретический конструктор: сочетая и варьируя элементы его построения, можно получить практически все существовавшие в историографии концепции, в том числе и концепцию Фроянова. Но главное в другом – ее анализ в большей степени ориентировал на пути создания теории нового поколения. С той поры прошло более четверти века, но воз, увы, и поныне там...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виткин М. А.* Проблема перехода от первичной формации ко вторичной // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968. С. 425–454.
2. *Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск: Высшая школа, 1970. 79 с.
3. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 569 с.
4. *Греков Б. Д.* Рабство и феодализм в древней Руси // Известия ГАИМК. Вып. 86. М.:Л., 1934.
5. *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 224 с.
6. *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 316 с.
7. *Данилова Л. В.* Изучение истории средневековой России // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М.: Наука, 1985. С. 110–186.
8. *Данилова Л. В.* Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма // Исторические записки. Т. 76. М.: Наука, 1965. С. 62–119.
9. *Довженко В. И., Брайчевский М. Ю.* О времени сложения феодализма в древней Руси // Вопросы истории. 1950. № 8.
10. *Журавель А. В.* Советская историография рабства в Киевской Руси. Дипломная работа // Архив автора. Брянск, 1982. 170 с.
11. *Журавель А. В.* О школе И. Я. Фроянова: размышления о будущем // Сборник РИО. Т. 11 (159). М., 2011. С. 345–347, 356.

12. Журавель А. В. Проблема рабства на Руси и теория рабовладельческой формации. Курсовая работа. // Архив автора. Брянск, 1980. 52 с.
13. Журавель А. В. С. В. Юшков – наш современник // Сборник РИО. Т. 6 (154). М., 2003. С. 333–336.
14. Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.: Наука, 1973. 391 с.
15. Лимонов Ю. А. Об одном опыте освещения истории Киевской Руси. Летописи и «исторические построения» в книге И. Я. Фроянова // История СССР. 1982. № 5. С. 173–178.
16. Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука, 1968. С. 596–617.
17. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977. 359 с.
18. Паишто В. Т. По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 174–178.
19. Рубинштейн Н. Л. Нарис історії Київської Русі. Харків; Одеса: Державне видавництво України, 1930.
20. Свердлов М. Б. Генезис феодальной земельной собственности в древней Руси // Вопросы истории. 1978. № 8. С. 40–56.
21. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 240 с.
22. Свердлов М. Б. Челядь и холопы в Древней Руси // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 42–56.
23. Свердлов М. Б., Шапов Я. Н. Последствия неверного подхода к исследованию важной темы // История СССР. 1982. № 5. С. 178–186.
24. Тер-Акопян Н. Б. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука, 1968. С. 67–88.
25. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: ЛГУ, 1974. 159 с.
26. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: ЛГУ, 1980. 256 с.
27. Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси // Из истории экономической и общественной жизни России. М.: Наука, 1976. С. 15–23.
28. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. 544 с.
29. Юшков С. В. Феодальные отношения и Киевская Русь. Саратов, 1925. 108 с.

Поступила в редакцию 02.06.2022

Журавель Александр Васильевич, редактор, независимый исследователь
 Издательство «ДиректМедиа»
 117342, Россия, г. Москва, ул. Обручева, д. 34/63, стр. 1
 E-mail: ravell@rambler.ru

A.V. Zhuravel

**A GRADUATE STUDENT ABOUT THE CONCEPT OF I.YA. FROYANOV IN 1982.
 ESSAY OF AUTOHISTORIOGRAPHY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-21-30

The article describes the circumstances of the creation and content of the thesis "Soviet historiography of slavery in Kievan Rus" created by the author in 1982. It gave the first detailed analysis of I. Ya. Froyanov's conception in historiography.

Keywords: I. Ya. Froyanov's conception, Soviet historiography, slavery in Russia, theoretical problems of feudalism, theory of formations.

REFERENCES

1. Vitkin M. A. Problema perehoda ot pervichnoj formacii ko vtorichnoj [The problem of transition from primary to secondary formation]. Problemy istorii dokapitalisticheskix obshhestv [Problems of pre-capitalist societies' history], vol. 1, Moscow, "Nauka" Publ., 1968. (In Russian).
2. Goremykina V. I. K probleme istorii dokapitalisticheskix obshchestv (na materiale Drevnej Rusi) [On the problem of pre-capitalist societies' history (on the material of Ancient Rus')]. Minsk, High School Publ., 1970, 79 p. (In Russian).
3. Grekov B. D. Kievskaya Rus' [Kievan Rus']. Moscow, State Political Publ., 1953, 569 p. (In Russian).
4. Grekov B. D. Rabstvo i feodalizm v drevnej Rusi [Slavery and feudalism in Ancient Rus']. Izvestiya GAIMK [Proceedings of GAIMK], issue 86, Moscow; Leningrad, 1934. (In Russian).

5. *Gurevich A. Ya.* Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoj Evrope [Problems of the genesis of feudalism in Western Europe]. Moscow, High School Publ., 1970, 224 p. (In Russian).
6. *Danilova L. V.* Sel'skaya obshchina v srednevekovoj Rusi [Rural community in medieval Rus']. Moscow, "Nauka" Publ., 1994, 316 p. (In Russian).
7. *Danilova L. V.* Izuchenie istorii srednevekovoj Rossii [The study of the history of medieval Russia]. Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR [Essays on the history of historical science in the USSR], vol. V. Moscow, "Nauka" Publ., 1985, pp. 110–186. (In Russian).
8. *Danilova L. V.* Stanovlenie marksistskogo napravleniya v sovetskoj istoriografii epohi feodalizma [The formation of the Marxist trend in the Soviet history of the era of feudalism]. Istoricheskie zapiski [Historical Notes], vol. 76. Moscow, "Nauka" Publ., 1965, pp. 62–119. (In Russian).
9. *Dovzhenok V. I., Brajchevskij M. Yu.* O vremeni slozheniya feodalizma v drevnej Rusi [About the time of the formation of feudalism in ancient Rus']. Voprosy istorii [Questions of History], 1950, no. 8, pp. 60–77. (In Russian).
10. *Zhuravel' A. V.* Sovetskaya istoriografiya rabstva v Kievskoj Rusi. Diplomnaya rabota [Soviet historiography of slavery in Kievan Rus']. Graduate work. Arhiv avtora. [Archive of the author], Bryansk, 1982, 170 p. (In Russian).
11. *Zhuravel' A. V.* O shkole I. Ya. Froyanova: razmyshleniya o budushchem [About the school of I. Ya. Froyanov: reflections on the future]. Sbornik RIO [Collection of RIO], vol. 11 (159). Moscow, 2011. (In Russian).
12. *Zhuravel' A. V.* Problema rabstva na Rusi i teoriya rabovladel'cheskoj formacii. Kursovaya rabota [The problem of slavery in Rus' and the theory of the slave-owning formation. Course work]. // Arhiv avtora [Archive of the author]. Bryansk, 1980, 52 p. (In Russian).
13. *Zhuravel' A. V. S. V. Yushkov – nash sovremennik* [S. V. Yushkov is an our contemporary]. Sbornik RIO [Collection of RIO], vol. 6 (154). Moscow, 2003. (In Russian).
14. *Zimin A. A.* Holopy na Rusi (s drevnejshih vremen do konca XV v.) [Serfs in Rus' (from ancient times to the end of the XV century)]. Moscow, "Nauka" Publ., 1973, 391 p. (In Russian).
15. *Limonov Yu. A.* Ob odnom opyte osveshcheniya istorii Kievskoj Rusi. Letopisi i "istoricheskie postroeniya" v knige I. Ya. Froyanova [About one experience of covering the history of Kievan Rus. Chronicles and "historical constructions" in the book by I. Ya. Froyanov]. Istoriya SSSR [History of the USSR], 1982, no. 5, pp. 173–178. (In Russian).
16. *Neusyhin A. I.* Dofeodal'nyj period kak perekhodnaya stadiya ot rodoplemennogo stroya k rannefeodal'nomu (na materiale istorii Zapadnoj Evropy rannego srednevekov'ya) [The Pre-Feudal period as a transitional stage from the tribal system to the Early feudal (based on the history of Western Europe of the Early Middle Ages)]. Problemy istorii dokapitalisticheskix obshhestv [Problems of pre-capitalist societies' history], vol. 1, Moscow, "Nauka" Publ., 1968, pp. 596–617. (In Russian).
17. *Nikiforov V. N.* Vostok i vseмирnaya istoriya [The East and World history]. Moscow, "Nauka" Publ., 1977, 359 p. (In Russian).
18. *Pashuto V. T.* Po povodu knigi I. Ya. Froyanova "Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoy istorii" [About the book by I. Ya. Froyanov "Kievan Rus'. Essays on socio-political history"]. Voprosy istorii [Questions of History], 1982, no. 9, pp. 174–178. (In Russian).
19. *Rubinshtein N. L.* Naris istorii Kiiivskoї Rusi [Essay on the history of Kievan Rus']. Harkiv; Odesa, 1930. (In Ukrainian).
20. *Sverdlov M. B.* Genezis feodal'noj zemel'noj sobstvennosti v drevnej Rusi [The genesis of feudal land ownership in ancient Rus']. Voprosy istorii [Questions of History]. 1978, no. 8, p. 40–56. (In Russian).
21. *Sverdlov M. B.* Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnej Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Rus']. Leningrad: "Nauka" Publ., 1983. 240 p. (In Russian).
22. *Sverdlov M. B.* SHelyad' i holopy v Drevnej Rusi [Celyad' and kholops in Ancient Rus']. Voprosy istorii [Questions of History], 1982, no. 9, p. 42–56. (In Russian).
23. *Sverdlov M. B., Shechapov Ya. N.* Posledstviya nevernogo podhoda k issledovaniyu vazhnoj teme [Consequences of an incorrect approach to the study of an important topic]. Istoriya SSSR [History of the USSR], 1982, no. 5, pp. 178–186. (In Russian).
24. *Ter-Akopyan N. B.* K. Marks i F. Engels o haraktere pervichnoj obshchestvennoj formacii [K. Marx and F. Engels on the nature of the primary social formation]. Problemy istorii dokapitalisticheskix obshhestv [Problems of pre-capitalist societies' history], vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 67–88. (In Russian).
25. *Froyanov I. Ya.* Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-ekonomicheskoy istorii [Kievan Rus'. Essays on socio-economic history]. Leningrad, Leningrad University Press, 1974 159 p. (In Russian).
26. *Froyanov I. Ya.* Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoy istorii [Kievan Rus'. Essays on socio-political history]. Leningrad, LGU Publ., 1980, 256 p. (In Russian).
27. *Cherepnin L. V.* Eshche raz o feodalizme v Kievskoj Rusi [Once again about feudalism in Kievan Rus']. Iz istorii ekonomicheskoy i obshchestvennoj zhizni Rossii [From the history of economic and social life of Russia]. Moscow, "Nauka" Publ., 1976, pp. 15–23. (In Russian).
28. *Yushkov S. V.* Obshchestvenno-politicheskij stroj i pravo Kievskogo gosudarstva [The socio-political system and the law of the Kiev state]. Moscow, State Law Publ., 1949, 544 p. (In Russian).

29. *Yushkov S. V.* Feodal'nye otnosheniya i Kievskaya Rus' [Feudal relations and Kievan Rus']. Saratov, 1925, 108 p. (In Russian).

Received 02.06.2022

Zhuravel A. V., editor, independent researcher
Directmedia Publishing
Obrucheva st., 34/63, 1, Moscow, Russia, 117342
E-mail: ravell@rambler.ru